

Сознание медленно выплывало из пучины сна, окутанное ощущением невероятного тепла и легкой липкости.

Первым делом она почувствовала необычную влажность простыни под собой. Казалось, ткань пропиталась легким потом и теперь, прохладная и сырая, неприятно прилипла к коже бедер. А затем... чьи-то прохладные пальцы, невероятно нежно и с какой-то едва уловимой жалостью, начали очерчивать линию её бровей, а после, следуя вдоль переносицы, медленно скользнули вниз.

Ресницы Фэн Жосюэ дрогнули, и она с трудом разлепила тяжелые веки.

Расплывчатое зрение постепенно сфокусировалось. Первое, что предстало перед глазами — лицо Су Яо, оказавшееся совсем рядом. Та уже проснулась и, лежа на боку и подперев голову рукой, наблюдала за ней. Её длинные темные волосы разметались по подушке, а в глазах читалась сытая лень и ничем не прикрытая нежность. Палец, до этого блуждавший по лицу Фэн Жосюэ, все еще хранил на кончике капельки влаги.

А сама она...

Фэн Жосюэ машинально пошевелилась и тут же замерла, как вкопанная.

Под одеялом она была совершенно нага. Гладкая кожа без всяких преград терлась о влажную простыню, вызывая крайне двусмысленное и постыдное ощущение. Вчера перед сном Су Яо тоже обнимала её, но тогда между ними была хотя бы пижама! А сейчас...

Бум!

Кровь мгновенно ударила в голову. Она с силой дернула одеяло вверх, плотно укутываясь с головой и сворачиваясь в комок. Снаружи осталась лишь прядь черных волос, а из-под слоя ткани донесся приглушенный голос, в котором сквозила сонная хрипотца и крайняя степень паники:

— Ты... что ты со мной сделала?!

Одеяло, напоминающее теперь плотный кокон, мелко дрожало.

Су Яо, глядя на этот внезапно вздувшийся и вибрирующий сверток, сперва опешила, а затем не сдержала тихого смеха. Звонкий, с вибрирующими нотками в груди, он отчетливо прозвучал в тишине утренней спальни.

Она протянула руку и, поверх одеяла, слегка похлопала по кокону, насмешливо произнеся:

— Что сделала? Кое-кто вчера спал как поросенок, жаловался на жару, сам сбросил с себя пижаму и при этом умудрился пустить мне слюни на руку, намочив простыню. Я из добрых побуждений протерла тебе лицо влажным полотенцем, а теперь я еще и виновата?

Движение под одеялом мгновенно прекратилось.

Воспоминания начали возвращаться обрывочными фрагментами... Кажется... вчера под утро и правда было невыносимо жарко, в полудреме она действительно что-то с себя сбрасывала... А еще... она вроде бы прижималась к чему-то прохладному и приятному...

Неужели... это «прохладное и приятное» было рукой Су Яо? И она... пустила слюни?!

Огромная волна стыда вновь накрыла её с головой. Но по сравнению с тем, что «могло бы» случиться, такая степень позора казалась... вполне приемлемой?

Она осторожно высунула из-под края одеяла пару влажных глаз, полных подозрений и остатков паники, и украдкой взглянула на Су Яо.

На Су Яо была все та же шелковая ночная сорочка, что и вчера — немного помятая, но в полном порядке. Выражение её лица было спокойным, с нотками веселья и снисходительности, совсем не похоже на ложь.

— П-правда? — голос Фэн Жосюэ все еще дрожал от неуверенности, но настороженность заметно улеглась.

— А то как же? — Су Яо приподняла бровь и кончиком пальца легонько ткнула в выглядывающую из-под одеяла покрасневшую щеку. — А ты на что надеялась? М-м? — её голос на последней ноте опасно понизился, намекая на нечто большее.

Фэн Жосюэ тут же спрятала голову обратно, оставив снаружи только глаза, и буркнула в ответ:

— Кто бы говорил... ты вчера... так...

Так обнимала её и просовывала руку под одежду, касаясь талии... из-за чего ей всю ночь снились странные, сбивающие с толку сны!

— Как это — так? — Су Яо решила подразнить её еще больше и, наклонившись, коснулась дыханием прядей у её лба.

Расстояние было слишком малым, и Фэн Жосюэ отчетливо видела в глубине её глаз собственное отражение, а также изящные ключицы, проступавшие под воротом сорочки. Обрывки вчерашних смутных и жарких сновидений неконтролируемо всплыли в памяти.

Разозлившись и смутившись одновременно, она, подобно рассерженному зверьку, резко высунула из-под одеяла белую руку и, сжав кулачок, слабо ударила Су Яо по плечу.

— Ты вредная! Специально... специально меня дразнишь! И... и трогала мою талию! Из-за тебя я не выпалась! И простыню намочила! Гадина! Су Яо — большая гадина!

В её голосе, еще не до конца проснувшись, слышалась мягкая детская обида. Даже ругаясь, она не выглядела грозно — скорее это напоминало жалобу, одобренную медом, или даже... кокетство.

Щеки от волнения и стыда окрасились в красивый алый цвет, глаза округлились, а во влажных черных зрачках блеснули слезы. Она злилась, но выглядела при этом до слез жалко и очаровательно.

Сердце Су Яо смягчилось от этой «атаки», не причинившей никакого вреда, и от этих «обвинений». Улыбка разлилась от уголков глаз до самых губ. Она легко перехватила кулачок, пытавшийся её ударить, и заключила его в свою теплую ладонь.

— Это я вредная? — тихо рассмеялась она. Другой рукой она нежно взъерошила растрепанные волосы Фэн Жосюэ, поглаживая их так бережно, словно перед ней было самое хрупкое сокровище. — Хочешь узнать, что бывает, когда я становлюсь еще вреднее?

— Ты...! — Фэн Жосюэ задыхнулась от возмущения. Она попыталась выдернуть руку, но не смогла, поэтому лишь надула щеки и уставилась на неё, чувствуя, как глаза предательски краснеют от нахлынувшей обиды.

Глядя на неё, Су Яо окончательно отбросила все свои злые шуточки, чувствуя лишь безграничную нежность. Она наклонилась и оставила мягкий, теплый поцелуй на её гладком, еще хранящем остатки сна лбу.

— Чмок.

Звонкий звук был наполнен бесконечной близостью.

Все движения и жалобы Фэн Жосюэ застыли от этого внезапного поцелуя. Мягкое прикосновение исчезло так же быстро, как появилось, но на лбу остался след, который, казалось, будет жечь еще долго.

— Ну все, хорошая моя, — голос Су Яо стал нежным, как весенний ручей. Она выпустила её руку и принялась поправлять растрепанные волосы. — Не буду тебя больше дразнить. Вставай, пойдем завтракать, а потом... я заменю тебе простыню на чистую, идет?

Фэн Жосюэ ошеломленно смотрела на неё, место поцелуя на лбу все еще горело, а крошечная

злость, возникшая из-за насмешек, перед этим поцелуем и нежным «хорошая моя» необъяснимым образом испарилась.

Она надула губы и тихо пробормотала:

— ...Ну, так-то лучше.

Затем, медленно и нехотя, она вцепилась в край одеяла и снова плотно укуталась, оставив снаружи лишь глаза, которые теперь лукаво щурились, как у ребенка, укравшего конфету.

Су Яо, глядя на эти её ужимки, улыбнулась еще шире.

И правда, когда этот маленький зверек злится, это выглядит как самое настоящее кокетство.

<http://bllate.org/book/21400/2182954>